

**П.И. Чайковский – В.А. Пахульский:
история педагогических отношений**

Педагогическая деятельность Петра Ильича Чайковского традиционно ограничивается в его биографии профессорством в Московской консерватории с 1866 по 1878 годы. Между тем, это далеко не единственное и не последнее его взаимодействие с музыкальной педагогикой. Оставив службу в консерватории, Чайковский до конца своих дней состоял в педагогических отношениях с множеством начинающих композиторов самого разного уровня: от его учеников по классу композиции в Московской консерватории, с которыми он как учитель продолжал общаться и далее (самый яркий пример – Сергей Иванович Танеев), до музыкантов-любителей, стремившихся к приобретению композиторского мастерства через диалог с великим мастером. Чаще всего, общение и с первыми, и со вторыми происходило эпистолярно. Это обстоятельство оказало для истории важнейшую услугу: в письмах Чайковского к своим ученикам оказались зафиксированными в возможной полноте и целостности принципы его композиторской педагогики, под которой в настоящей статье понимается преподавание композиции композитором-педагогом композитору-ученику. Имеет смысл говорить о специфической для Чайковского *эпистолярной композиторской педагогике*, представляющей собой общение по педагогической проблематике в свободной форме, включенное в состав письма в качестве одного из его сюжетов.

Наиболее информативными с точки зрения эпистолярной педагогики Чайковского являются комплекты его переписки с С.И. Танеевым, А.С. Аренским, Г.(Е.)Л. Катуаром, с композитором-любителем А.Н. Алфераки, учителем, регентом и организатором русского народного хора в Либаве¹ К.М. Конинским.

¹ Ныне г. Лиепая, Латвия.

Особый интерес представляет и переписка Чайковского с Владиславом Альбертовичем Пахульским (1855–1919), скрипачом, бывшим учеником Чайковского по классу гармонии в Московской консерватории. Специфика этой переписки видится в том, что она предстает образцом общения педагога с учеником, не имеющим достаточного таланта, в данном случае композиторского. Как известно, такое общение требует подчас большего педагогического мастерства, нежели общение с безусловно способными учениками.

Другим специфическим свойством педагогического сюжета, связанного с Пахульским, является тот факт, что имя его неразрывно соединено с именем Надежды Филаретовны фон Мекк. Пахульский состоял у нее на службе: «в качестве секретаря вел переписку Н.Ф. фон Мекк, выполнял ее поручения по банковским делам, сопровождал ее во всех поездках, подыскивал для нее имения, дачи, учил музыке и польскому языку детей, музицировал в домашних концертах на скрипке и на фортепиано» [1, с. 231], а в 1889 году вошел в семью фон Мекк как муж ее дочери Юлии Карловны.

История ученичества Пахульского под руководством Чайковского тесно переплетена с историей взаимоотношений Чайковского и фон Мекк, и потому необходимо кратко остановиться на этой стороне вопроса. Имя Пахульского появляется на страницах писем Петра Ильича и Надежды Филаретовны с 1877 года, и затем в течение всех лет их эпистолярных взаимоотношений (конец 1876 – 1890 годы) Пахульский является одним из постоянных персонажей их переписки. Он и сам с 1880 года начинает писать письма Чайковскому, а после того, как переписка между Чайковским и фон Мекк осенью 1890 года прервалась, берет на себя обязанность информировать Петра Ильича о состоянии здоровья Надежды Филаретовны и событиях ее жизни.

Вопреки этим фактам до недавнего времени существовала стойкая традиция рассматривать роль Пахульского в истории взаимоотношений фон Мекк и Чайковского как негативную. Разумеется, тому могли быть определенные основания, скорее всего, субъективного свойства, т.к. традиция

эта шла от членов семьи фон Мекк, где сложились достаточно непростые отношения с Пахульским [Там же, с. 230–243]. Более объективная оценка его роли в истории взаимоотношений Петра Ильича и Надежды Филаретовны содержится в очерке и диссертационном исследовании Н.Б. Пушиной, посвященных жизни и творчеству Генриха Альбертовича Пахульского, пианиста, композитора и преподавателя Московской консерватории, старшего брата Владислава [5; 6]. Уделяя внимание также Владиславу Пахульскому и ссылаясь на документальные источники, Н.Б. Пушина доказывает, что «Владислав Пахульский проявил исключительную порядочность, тактичность и деликатность по отношению к обоим участникам этой сложной, щекотливой и неоднозначной ситуации» [6, с. 74]. В работе П.Е. Вайдман «История необычной переписки» [1, с. 181–280] на основании анализа писем Пахульского к Чайковскому сделаны чрезвычайно важные выводы о том, что роль Пахульского во взаимоотношениях Чайковского и фон Мекк определялась, с одной стороны, глубочайшей взаимной привязанностью Владислава Альбертовича и Надежды Филаретовны, с другой – пиететом Пахульского перед Чайковским как композитором и человеком. Вот некоторые характерные высказывания Пахульского в письмах к Чайковскому: «Если в моем письме нет стройности, – пишет он 15/27 февраля 1883 года, – то извините меня, Петр Ильич, но причину такому беспокойству здоровье Надежды Филаретовны. <...> жизнь поражает ее немилосердно, и когда приходится смотреть на это и не иметь никаких средств помочь этому, то понятно является какое-то странное состояние беспокойства <...>» (Цит. по: [1, с. 233]). Следующие слова Пахульского не только открывают глубину чувств его к Надежде Филаретовне, но и косвенно характеризуют его отношение к Петру Ильичу как очень личное, исключительно доверительное: «Находясь так давно при ней, – рассказывает Пахульский в письме к Чайковскому от 21 февраля/5 марта 1883 года, – я так ознакомился со свойствами характера Надежды Филаретовны, что почти чувством понимаю ее состояние, но сформулировать это очень трудно» (Цит. по: [Там же]).

Письма Пахульского к Чайковскому не только меняют сложившееся о нем мнение, но и в совокупности с перепиской Н.Ф. фон Мекк и Чайковского, а также с письмами Петра Ильича к братьям Модесту и Анатолию проливают свет на историю его собственного ученичества у Чайковского. Во-первых, становится понятной инициатива Надежды Филаретовны, по которой ученичество Пахульского началось. Инициатива эта объясняется высокой оценкой ею как личностных качеств Владислава Альбертовича², так и его потенциальных сочинительских способностей. «По моему мнению, он непременно должен быть композитором» [7, с. 463], – уверяет себя и старается уверить Чайковского Надежда Филаретовна в письме от 22 октября 1878 года. В связи с этим имеется весьма интересное суждение Н.Ф. фон Мекк, основанное на собственных наблюдениях: «Я знала многих чрезвычайно способных музыкантов-исполнителей по обеим сторонам музыки, и теоретических и практических, т.е. они умели писать очень хорошенькие сочинения, когда им давали их как задачи в консерватории, но им самим, так сказать, по доброй воле никогда никакие мысли в голову не приходили. Такие музыканты не есть композиторы по призванию, по вдохновению, это композиторы по выучке, по технике. У него же [Пахульского] такая богатая фантазия, что если он сядет пять раз в день к роялю, то он может по два часа сряду играть премилые фантазии; все они оркестрового свойства. Но для изложения у него еще, мне кажется, нет достаточно средств, и я думаю, что он легко приобретет их, если будет работать» [Там же, с. 488].

Во-вторых, становится понятным и довольно затруднительное положение Чайковского, который, начав заниматься с Пахульским, скоро убедился в отсутствии у своего ученика выраженных способностей к сочинению. Не рискуя обидеть Надежду Филаретовну, он в первые годы своих занятий с Пахульским старательно отыскивает положительные стороны его

² Показательна в связи с этим история болезни и смерти Г.Венявского, который умер в марте 1880 года в доме Н.Ф. фон Мекк, окруженный вниманием и заботой Пахульского. «Этот человек выказал такое редкое, бесподобное сердце, что при всей его молодости его нельзя не уважать, – напишет вскоре после смерти Венявского фон Мекк Чайковскому. – <...> Одним словом, это бесконечно добрая натура...» [8, с. 331]. Здесь и далее в цитатах редакторской разрядкой обозначены авторские подчеркивания.

музыкального дарования, приветствуя каждый шаг вперед в освоении им композиторской техники. Однако с определенного момента Чайковский понимает, что не может более оставлять фон Мекк в заблуждении и деликатнейшим образом старается изложить ей свои сомнения насчет композиторского таланта ее protégé.

Наконец, становится объяснимым и внезапное прекращение педагогического общения между Пахульским и Чайковским, со всей очевидностью обусловленное прекращением эпистолярных взаимоотношений между Петром Ильичом и Надеждой Филаретовной.

Обратимся к хронографии. В предыстории индивидуального обучения Пахульского у Чайковского – его пребывание в Московской консерватории в течение двух лет: в 1876/77 и 1877/78 учебных годах. Согласно отчетной документации, в первом году обучения Пахульский занимался специальной игрой на скрипке у И.В. Гржимали [3, с. 88, 101], а также прошел сразу 2-й курс обязательной гармонии в классе Чайковского [Там же, с. 93, 106]. В архивной документации сохранился так называемый «экзаменный лист», в котором указано, что 28 мая 1877 года Пахульский сдал экзамен по гармонии и переведен в класс контрапункта³. В следующем 1877/78 учебном году Пахульский продолжал занятия в скрипичном классе Гржимали [4, с. 94, 109] и посещал класс контрапункта профессора Н.А. Губерта [Там же, с. 100, 115], совмещая занятия в консерватории со службой у фон Мекк. Именно во второй половине этого учебного года в переписке Надежды Филаретовны и Петра Ильича заходит речь о возможности индивидуальных занятий с Пахульским, и 13/25 марта 1878 года Чайковский спешит обнадежить фон Мекк: «Пахульский встретит во мне всяческое поощрение, когда я ознакомлюсь ближе с его музыкальной организацией» [10, с. 171]. Но, в силу различных обстоятельств, занятия с Пахульским начинаются лишь осенью этого года, когда Чайковский окончательно покидает Московскую консерваторию, Пахульский также

³ РГАЛИ, ф. 2099, оп. 1, ед. хр. 31, л. 37.

оставляет свое обучение и сопровождает семью фон Мекк в заграничных поездках.

Занятия Чайковского с Пахульским начались в форме личных встреч. Первый урок состоялся 22 ноября / 3 декабря 1878 года, когда и Петр Ильич, и Надежда Филаретовна со своим «домашним обществом» находятся во Флоренции [Там же, с. 462–463, 468–470]. В этой форме с перерывами занятия продолжают в феврале, а затем в ноябре 1879 года в Париже [11, с. 428]; также лично, для урока по композиции, Чайковский встретится с Пахульским в Москве в июне 1883 года [13, с. 179].

Однако преобладающей формой их педагогического общения становится переписка. По наблюдениям П.Е. Вайдман, «одна из постоянных тем переписки – занятия Пахульского композицией, который подробно сообщает о них Чайковскому, делится своими замыслами и их осуществлением, постоянно благодарит за советы. Вообще, тема творчества самого В.А. Пахульского – одна из центральных в переписке» [1, с. 232].

Весь путь педагогических отношений Чайковского со своим учеником – это поиск ответа на вопрос: есть ли в Пахульском настоящий композиторский талант? Вопрос этот возникает у него сразу после первого занятия со своим учеником. По окончании этого занятия Чайковский тут же сообщает Надежде Филаретовне: «Он [Пахульский] имеет три хороших данных для побеждения (sic!) всех трудностей сочинительской техники, а именно: 1) несомненные музыкальные способности, 2) большую любовь к музыке и авторское рвение и 3) смирение и скромность. <...> Однако же, <...> есть ли в нем задатки сильного и самобытного творчества, то на этот вопрос я теперь не сумею Вам ответить» [10, с. 468–469].

Наблюдая Пахульского в процессе освоения им технических навыков и приобретения композиторского мастерства, Чайковский, особенно в первые годы занятий, отмечает каждый шаг своего воспитанника вперед, непременно извещая фон Мекк об успехах своего ученика: «Рондо его оказалось вполне безупречной задачей» [Там же, с. 493], «Вчерашней работой Пахульского я

доволен. Во всяком случае, она большой шаг вперед в сравнении с той неумелостью, которою отличались его прежние опыты» [11, с. 101], «Я очень доволен сегодняшними работами Пахульского. Про него можно сказать, что это молодой человек с толком. С такими юношами приятно иметь дело. Приятно видеть, что он с каждым разом идет вперед» [Там же, с. 106].

Однако сомнения в композиторском даровании Пахульского не оставляют Чайковского, и 31 августа 1879 года он рискует осторожно поделиться своими сомнениями с Надеждой Филаретовной: «<...> я хотел бы в нем видеть признаки энергии в труде. <...> боюсь, как бы не вышел из него человек, вечно готовый к упорному труду, но не имеющий выдержки» [Там же, с. 349].

Отсутствие выдержки у Пахульского, Чайковский, возможно, связывал с отсутствием систематических занятий, которые дисциплинировали бы ученика. Это можно заключить из советов Петра Ильича Надежде Филаретовне непременно изыскивать для Пахульского любую возможность заниматься не только практикой, но и теорией композиции. Так, уже в начале занятий с Пахульским, в декабре 1878 года, Петр Ильич пишет фон Мекк: «Учиться же ему во всяком случае необходимо, потому что только учение укажет ему, что он может и чего не может» [10, с. 537]. Зная, что Надежда Филаретовна собирается ехать в Вену, Петр Ильич советует ей взять для Пахульского на время пребывания в Вене «учителя, который прошел бы с ним фугу и канон. <...> Во-первых, это будет полезно, а во-вторых, это даст ему возможность при возвращении в Консерваторию выдержать экзамен того класса, в котором он бы был, если бы оставался в Москве» [Там же].

Вообще, идею о необходимости получения Пахульским консерваторского аттестата⁴ Чайковский всячески поддерживает. В начале декабря 1879 года Петр Ильич дает Пахульскому рекомендательные письма к Н.Г. Рубинштейну и другим профессорам Московской консерватории в надежде, что они не откажут в помощи при подготовке Пахульского к сдаче выпускного экзамена по консерваторскому

⁴ Диплом выдавался выпускнику консерватории при прохождении им полной консерваторской программы, аттестат же – при освоении выпускником лишь специальных предметов.

курсу [8, с. 293], и в марте 1880 года Пахульский начинает брать уроки у Гржимали и Губерта [1, с. 232]; 31 марта Пахульский подает прошение «о допущении его к испытанию для получения аттестата по специальному предмету игры на скрипке»⁵; и 28 мая 1880 года на заседании Художественного совета Московской консерватории принимается решение о признании Владислава Пахульского достойным аттестата по классу скрипки⁶. Вероятно, сам экзамен состоялся раньше этого числа, потому что в этот же день Петр Ильич уже шлет в письме к Надежде Филаретовне поздравление Пахульскому с успешным завершением консерваторского образования [12, с. 141].

В развитии педагогических отношений между Чайковским и Пахульским решающим стал 1883 год: именно в этом году Петр Ильич пришел к окончательному выводу о бесперспективности занятий Пахульским композицией. Так, 9/21 апреля 1883 года Чайковский в письме из Парижа к брату Модесту сетует: «Просидел весь вечер дома [над сочинениями Пахульского], разбирая эту неудобоваримую музыкальную тарабарщину» [13, с. 110]; а в письме к нему же от 20 июня этого же года высказывается по поводу сочиненной Пахульским симфонии еще более резко: как о «мерзопакостных Пахульских писаниях» [Там же, с. 179]. В этом же письме Петр Ильич сожалеет: «Весьма жаль, что я не могу откровенно высказать Пахульскому всю тщету его композиторской мании» [Там же]. Зная, как откровенно и прямо высказывал Чайковский свое мнение другим своим ученикам, можно предположить, что невозможность открытого объяснения в данном случае была для него мучительной. Предпринятая было Петром Ильичом попытка «сказать всю правду» Пахульскому натолкнулась на встречную просьбу сына Надежды Филаретовны Николая: «Ради бога, не говори, это страшно огорчит маму!» [Там же]. Действительно, желание Чайковским спокойствия Надежде Филаретовне, похоронившей в июне 1883 года сына и всегда болезненно

⁵ РГАЛИ, ф. 2099, оп. 1, ед. хр. 33, л. 21.

⁶ Там же, л. 31–31 об.

реагирующей на критику в адрес дорогих для нее людей, превышало все резоны Петра Ильича.

Единственное, что мог делать в своем положении Чайковский – это быть предельно строгим и одновременно доброжелательным критиком для самого Пахульского. Ярким образцом подобного отношения к своему ученику стало письмо Чайковского, написанное 10/22 апреля 1883 года. Чайковский делает в нем подробный критический анализ сочинения Пахульского с позиций контрапунктической техники, формы, оркестровки. Разумеется, Пахульскому вряд ли было приятно читать о «контрапункте для глаз, а не для слуха», об обилии диссонансов в фугах («я встретил одиннадцать диссонансов сряду»), а вместе с ними и параллельных запрещенных квинт и октав, о том, что «оркестр Вам еще чужд» и т.д. Но важна именно та черта, которую Петр Ильич подводит под столь суровой критикой: «Я по опыту знаю, как авторское чувство щекотливо, и чувствую, что довольно резко задеваю чувствительные струны Вашего авторского сердца. Но, дабы похвалы мои имели цену, я должен говорить правду» [Там же, с. 115–116].

В августе 1883 года Чайковский был обрадован сообщением Губерта, что Пахульский снова стал брать у него уроки [Там же, с. 209]. Однако это, по всей вероятности, мало что изменило, и ровно через год, в августе 1884-го, Петр Ильич решается на откровенное высказывание своего мнения Надежде Филаретовне: «<...> в Вл[адиславе] Альб[ертовиче] есть талант, есть охота, есть рвение, ум, теплое чувство – но нет должного равновесия между всеми этими свойствами вследствие какого-то для меня загадочного, можно сказать, органического порока его музыкальной природы» [Там же, с. 424]. В этом «органическом пороке музыкальной природы» Пахульского Петром Ильичом было найдено, вероятно, прежде всего для себя, объяснение композиторских неудач его ученика.

После 1883 года педагогическое общение продолжалось в том же эпистолярном режиме: Чайковский хвалил некоторые сочинения Пахульского в письмах к фон Мекк, как, например, в письме от 3 сентября 1884 года [Там же,

429], радовался сообщению Пахульского из Эмса, что его сочинения в августе 1885 года прозвучали в оркестровом исполнении [14, с. 128], и заинтересованно просил Пахульского передать ему свои впечатления от услышанного, после чего резюмировал: «Очень полезно и хорошо для Вас, что Вы имели возможность прослушать свои вещи, исполненные порядочным оркестром. Сокрушаюсь о том, что Вам пришлось кое в чем разочароваться, – но такие разочарования суть удел всякого стремящегося к совершенствованию артиста» [Там же, с. 137].

Затем в переписке и занятиях Чайковского с Пахульским наступает затишье вплоть до 1890 года. Для сравнения: «в период с 1880 по 1883 год Пахульский написал [Чайковскому] 15 писем <...>; с 1884 по 1890 год – 13 писем <...>» [1, с. 232]. Причины приостановки сочинительских опытов Пахульского кроются в его нервном расстройстве и длительном лечении [9, с. 552–553, 568]. В первой половине 1890 года интенсивность переписки на темы композиции как будто начинает восстанавливаться: 17 февраля Петр Ильич дает согласие на присылку Пахульским серии его романсов, а затем подробнейшим образом их анализирует [15, с. 78–80, 100–102]. Но этот новый виток педагогических отношений Чайковского и Пахульского, не успев начаться, вскоре остановился. В последнем из известных «педагогических» писем к Пахульскому от 3 июля 1890 года Петр Ильич отправляет Владиславу Альбертовичу сделанный в деликатной форме подробнейший и весьма критический анализ его трем сочинениям для оркестра с точки зрения тематизма и его развития, формы, инструментовки, гармонии, голосоведения, ритма: «<...> я опять щедро наделяю Вас порицаниями и довольно скудно похвалами, – обращается учитель к своему ученику. – Но это свидетельствует о том, что я отношусь к Вам серьезно, а не поверхностно» [Там же, с. 201]. Внимательно вчитавшись в анализ Чайковским партитур Пахульского, можно прийти к выводу, что, по большому счету, их автор не слишком далеко ушел в своем мастерстве сочинителя музыки: те же замечания, те же типы ошибок в тексте... Это подтверждают и слова Петра Ильича, в сущности, повторяющие его же убеждение об «органическом пороке музыкальной природы»

Пахульского, к которому он пришел еще семь лет назад: «У Вас в Вашем музыкальном организме есть что-то болезненное, требующее врачевания» [Там же].

На этом эпистолярно-педагогическое общение Пахульского и Чайковского заканчивается, хотя переписка между ними продолжается еще около года, и количество писем, написанных Владиславом Альбертовичем к Петру Ильичу за этот год, превышает всю сумму писем, написанных Пахульским до июля 1890 года: их 21 письмо [1, с. 232]. Но пишут друг другу уже не учитель и ученик...

Почему же прервалось педагогическое общение учителя и ученика, которых связывало долголетнее общее понимание значимости происходящего между Чайковским и фон Мекк, между фон Мекк и Пахульским, а значит, и между Пахульским и Чайковским?.. Ответ на этот вопрос может быть лишь гипотетическим. Быть может, с исчезновением самого главного в жизни этих людей стержня высочайшего духовного общения потеряли смысл и прочие сюжеты их совместного существования, хотя бы и в эпистолярном пространстве...

При всем том, уроки Чайковского оказали Пахульскому величайшую услугу, т.к. существенно укрепили его техническое мастерство и позволили, по крайней мере «по выучке», говоря словами Надежды Филаретовны, выйти из разряда композиторов-любителей. «Хотя принято считать В.А. Пахульского композитором-дилетантом, – пишет П.Е. Вайдман, – его сочинения издавались и в России (у П.И. Юргенсона), и за рубежом (у Г. Вольфа в Висбадене). Его музыка исполнялась в камерных концертах у Н.Ф. фон Мекк, других салонах, а также в Европе. В 1899–1906 годах В.А. Пахульский состоял действительным членом Московского отделения ИРМО» [Там же, с. 230].

Каков же вывод? Исследователь феномена гениальности Николай Васильевич Гончаренко в своем труде «Гений в искусстве и науке» вынес за скобки анализ фигуры гения-педагога: «Что такое хороший учитель – этого мы здесь разбирать не будем: тема безбрежна, да и не по нашей части, – писал ученый. – Однако одну интересную черту, когда сам гений выступает в

качестве учителя, отметим. Речь идет об искренности и честности учителя перед самим собой и перед учениками» [2, с. 164]. Именно эта «искренность и честность» просматриваются на примере взаимоотношений Петра Ильича Чайковского и Владислава Альбертовича Пахульского – в истории их педагогических отношений, как истории поисков и преодолений. Со стороны педагога это был поиск наиболее деликатных при данных обстоятельствах способов оставаться честным перед собой и учеником, со стороны ученика преодоление своего композиторского дилетантства именно благодаря искренности педагога вкупе с его уроками по технологии композиторского мастерства. Если бы Гончаренко был знаком с историей педагогических отношений между Чайковским и Пахульским, то, вполне возможно, нравственное достоинство педагога *быть искренним и честным* он мог бы подтвердить примером «из Чайковского».

Список литературы

1. Вайдман П.Е. П.И. Чайковский и Н.Ф. фон Мекк. История необычной переписки. Мифы и реалии через столетие // П.И. Чайковский – Н.Ф. фон Мекк: Переписка, 1876–1890: в 4 т. Т. 1: 1876–1877. Челябинск, 2007. С. 181–280.
2. Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. М., 1991. 432 с.
3. Отчет МО ИРМО за 1876/77. М., 1877. 157 с.
4. Отчет МО ИРМО за 1877/78. М., 1879. 171 с.
5. Пушина Н.Б. Г.А. Пахульский – композитор, пианист, педагог: автореф. ... канд. искусствоведения. М., 2005. 24 с.
6. Пушина Н.Б. «Редкая музыкальная натура». О жизни и творчестве Г.А. Пахульского. М., 2004. 88 с.
7. Чайковский П.И. Переписка с Н.Ф. фон-Мекк. [В 3 т.]. Т. I: 1876–1878. [М.-Л.], 1934. XXVII, 643 с.
8. Чайковский П.И. Переписка с Н.Ф. фон-Мекк. [В 3 т.]. Т. II: 1879–1881. [М.-Л.], 1935. 677 с.

9. Чайковский П.И. Переписка с Н.Ф. фон-Мекк. [В 3 т.]. Т. III: 1882–1890. [М.-Л.], 1936. 683 с.
10. Чайковский П.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. Т. VII: [Письма. 1878]. М., 1962. 644 с.
11. Чайковский П.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. Т. VIII: [Письма. 1879]. М., 1963. 551 с.
12. Чайковский П.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. Т. IX: [Письма. 1880]. М., 1965. 407 с.
13. Чайковский П.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. Т. XII: [Письма. 1883–1884 гг.]. М., 1970. 595 с.
14. Чайковский П.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. Т. XIII: [Письма. 1885–1886]. М., 1971. 636 с.
15. Чайковский П.И. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. Т. XV-б: [Письма. 1890 г.]. М.: Музыка, 1977.

Список сокращений

ед. хр.	единица хранения
ИРМО	Императорское русское музыкальное общество
л.	лист
МО ИРМО	Московское отделение ИРМО
об.	оборот
оп.	опись
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства. Москва
ф.	фонд